

«УТВЕРЖДАЮ»

Первый проректор –
проректор по научной работе
ФГБОУ ВО «Псковский
государственный университет»,
доктор юридических наук, профессор
О.А. Серова
«_____» _____ 2025 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет»
о диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук
Шадурского Владимира Вячеславовича
РЕЦЕПЦИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XV–XIX ВЕКОВ
В ТВОРЧЕСТВЕ М.А. АЛДАНОВА
Специальность 5.9.1 Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

Диссертационное исследование В.В. Шадурского «Рецепция русской литературы XV–XIX веков в творчестве М.А. Алданова» посвящено восприятию и интерпретации национальной литературы в сознании представителей русского «рассеяния» на примере самого читаемого писателя и одного из видных публицистов первой волны эмиграции. Обладая ярко выраженным литературоцентризмом мышления, Алданов в разных формах своей деятельности (в документальной прозе, художественных произведениях, в общественном служении) оставил оригинальные оценки русской истории и истории идей, которой жила отечественная классика. Тема диссертации актуальна как в отношении творчества М. Алданова, так и других русских писателей-эмигрантов. Многоаспектное восприятие Алдановым русской классики в эмигрантских условиях рассматривается В.В. Шадурским как выполнение мессианской роли – сохранение русской культуры за рубежом.

Автор, несомненно, серьезно подходит к своему исследованию: в работе показано глубокое знание разных текстов изучаемого писателя – от художественных до газетных публикаций. Серьезно отношение и к той временной широте восприятия Алдановым русской литературы: от XV до

XIX века. Тем более что до настоящего времени в алдановедении нет обобщающих работ по теме.

Введение раскрывает актуальность темы, цель и задачи диссертации, объект и предмет изучения, обозначает научную новизну и теоретико-методологическую основу проведенного исследования. В этой части работы также сформулированы основные положения, выносимые на защиту, они соответствуют содержанию диссертации, проблематике основной части, итоговым выводам.

Цель своего научного исследования автор видит в том, чтобы изучить особенности алдановской рецепции русской литературы XV–XIX вв., описать ее формы, осмыслить специфику репрезентаций образов, функции мотивов, сюжетов, использования приемов поэтики, цитат из произведений русской классической литературы в творчестве М. А. Алданова (с.10). Сразу отметим, что она в работе успешно достигнута.

Актуальность исследования определена несколькими обстоятельствами, изложенными на с.7-8, главный из которых видится в рецептивном анализе художественной и общественно-литературной деятельности М.А. Алданова с точки зрения усвоения русской литературной традиции как мировоззренческой и эстетической основы его творчества и поведения. Новизна исследования состоит в том, что, используя диахронический принцип анализа, автор диссертации впервые целостно осмыслил многоаспектную рецепцию русской литературы XV – XIX вв. в творческой и общественно-литературной деятельности Алданова, которая справедливо рассматривается как оригинальная концепция писателя, выражающая его «собственную аксиологию и философию в разнообразных эпических жанрах» (с.13).

Достижением автора стали теоретические выводы о природе рецепции, которая получает новые признаки благодаря исследованию наследия Алданова в разных его жанрах и творческих действиях. Особенности рецепции поняты и профессионально описаны В.В. Шадурским, что подтверждает серьезную теоретическую базу всего исследования, опирающегося на работы как отечественных, так и зарубежных ученых в области филологии и философии. Несомненную ценность имеют наблюдения и выводы о фактах присутствия мотивов, образов, идей из русской классики в разных произведениях Алданова, исследованных самым тщательным и серьезным образом.

Вызывают уважение и интерес проанализированные автором диссертации особенности мировоззренческих и эстетических подходов Алданова к русской классике с учетом как его художественных текстов, так и критических статей (последние зачастую малодоступны и потому малоизвестны). Важно то, что введены в научный оборот многие материалы, принадлежащие перу писателя (письма, документы из личных архивов). Новизной обладает также критическая оценка существующих исследований отечественных и зарубежных алдановедов (Дронова Т.И., Чернышев А.А., Уральский М.Л.).

Спорной представляется гипотеза о том, что «из возможных путей наследования русской классической традиции Алданов выбрал самобытный путь без опоры на религию, которую по своей духовной сути заменила русская классическая литература, *проявив себя как средство поддержания духовности...*» (с.15). Духовность – то, что относится в первую очередь, к религии, что исходит из этимологии слова («дух»). Сейчас, к сожалению, слово «духовность» имеет расширительное толкование, которое усредняет исконное его значение. Как понимал его Алданов? Какой смысл вкладывал? Стоило прописать. Тем более что в первой главе речь пойдет о мировоззренческих предпочтениях Алданова, связанных с масонством.

В первой главе диссертации **«Проблемы изучения рецепции русской литературы XV–XIX веков в прозе М. А. Алданова»** рассматриваются проблемы источниковедения при изучении творчества Алданова и проблемы его восприятия классической литературы на фоне историко-литературного контекста русского зарубежья и Европы.

В первом параграфе главы **«Творчество М. А. Алданова и источниковедческие решения»**, обозначив сложности в работе с источниковедческой базой, В.В. Шадурский подробно охарактеризовал степень разработанности темы, попутно уточняя отдельные аспекты вхождения Алданова в русскую литературу по новейшим справочным изданиям (большой частью – по библиографическим трудам, опубликованным за рубежом), архивным материалам журнала «Современные записки» и публикациям в периодических изданиях русского зарубежья («Новый журнал», «Последние новости», «Сегодня» и др.). Основательно показано место писателя в среде литераторов зарубежья. Впечатляет объем переработанного диссертантом материала (от художественных, философских, исторических сочинений до

комментариев, писем, рецензий, очерков и критических заметок, научных статей и монографий) и обстоятельность автора в объяснении литературных фактов и контекста их восприятия.

Во втором параграфе главы *«Проблемы восприятия русской литературы XV–XIX веков в прозе М. А. Алданова»* убедительно обоснован его творческий выбор и мировоззренческий ориентир – русская классическая литература с ее духовными корнями. При этом не упускается из виду его нерелигиозность и увлечение масонством (здесь снова не хватает четкости высказывания). Показано, что интересы и читательские запросы М. А. Алданова связаны как с русской классической литературой XIX в., так и с ранними подступами к ее созданию – литературой древнерусского периода, литературой русского классицизма.

В диссертации отражена избирательность и осознанность выбора Алдановым тех авторов, в литературном творчестве которых отразилось историческое прошлое. Интерпретация их произведений основывается на внутритекстовом и контекстуальном подходах. Рассматривая алдановское наследие на широком фоне рецепций русской классики в центрах русского зарубежья, В.В. Шадурский соотносит его с творчеством И. Бунина, В. Набокова, Б. Зайцева и др., учитывает их общую роль проводников русской классической литературы в западном мире и ее статус «важной шкалы ценностей» (с.60).

Вторая глава «Доклассическая литература в творчестве М.А. Алданова» рассматривает восприятие древнерусской литературы и литературы «московского периода русской истории». Исследуется рецепция Алдановым творчества двух древнерусских писателей - Нила Сорского XV в. и протопопа Аввакума XVII в. Интерес к православию и его древнерусским текстам свойственен русской эмиграции. Но обращение к знаковым фигурам древлеправославной истории и литературы писателя-масона вызывает особый интерес.

В первом параграфе главы *«Поэтика образа Нила Сорского в прозе М. А. Алданова»* речь идет не столько о поэтике, т.е. приемах воплощения образа Нила Сорского в литературных произведениях, сколько о духовном влиянии на писателя философии «мысленного делания» старца. В. В. Шадурский обращается к неопубликованной при жизни писателя статье Алданова «Введение в антологию. “Сто лет русской художественной прозы”», в которой уже намечаются серьезные рассуждения о путях и особенностях развития русской литературы. Как писал Алданов, у русской

литературы был «огромный заряд “духовности”, уходящий далеко в глубину веков» (с. 72). В качестве примеров, «заряжающих» своей энергией, Алданов приводит цитаты из «Поучения Владимира Мономаха», «Устава о скитской жизни» Нила Сорского, «Жития протопопа Аввакума».

К Нилу Сорскому, как считает автор диссертации, у Алданова особое отношение. Для писателя жизненно важными оказались сочинения Нила Сорского, «проницательно оценивавшего человеческие слабости и проявлявшего деликатную снисходительность к естественной порочности человека» (с. 76). Алданову важно понять символическое значение жизни старца, то, как его деяния и слова преобразовали или могли преобразовать мир. Пусть «свет жизни» Нила Сорского остался только в литературе и истории монашества, – это благодатный неугасимый свет, необходимый человеку в ситуации экзистенциального выбора.

Эта мысль многограннее раскрывается и проясняется в диссертации в анализе романа «Бред». В критике роман «Бред» воспринимается как роман-катастрофа. В диссертации подробно анализируются и раскрываются умонастроения двух героев: Наташи и Шелля. «В нашем мире все бред» - так считает разведчик Шелль, «человек с опустевшей душой», не верящий в возможность просветления души современного человека. Наташа, невеста Шелля, пишет диссертацию о русских еретиках XV в. Но не принимает «рационализма» стригольников и жидовствующих, осознавая духовную значимость для себя и спасительную силу в учении о вере и человеке Нила Сорского. Рефлексируя над сочинением Нила Сорского «О восьми главных страстях...», Наташа приходит к желанию всем людям здоровья, любви, счастья, доброго труда. «И это будет жительство благое». Увлечение Наташи Шелль воспринимает как некую чудаковатую особенность загадочной русской природы. Но Наташа становится и для Шелля спасительницей, ее миссия – в спасении этого авантюриста, символизирующего страшный бездуховный XX в. Включение в роман рефлексии о текстах и подвижнической жизни Нила Сорского впервые воплощает в творчестве Алданова, как считает автор диссертации, тему духовного преображения.

Во втором параграфе *«Протопоп Аввакум в публицистике и художественной прозе М.А. Алданова»* анализируется интерпретация творческого наследия Аввакума. В конце XIX – начале XX вв. образ протопопа Аввакума, довольно часто появлялся в русской публицистике и

литературе. Безусловно, многие современные интерпретации жизни и творчества протопопа могли быть известны М. А. Алданову. Но, пожалуй, таких определенно резких оценок и трактовок, как у М. А. Алданова, более не встречалось.

В публицистической книге «Армагеддон», изданной лишь в 2006 г. из-за запрета большевиков, протопоп Аввакум, называется предтечей В. И. Ленина, как и в очерке «Советские люди (в кинематографе)» (1922 г.).

Протопоп, отстаивающий традиции старого церковного уклада, вносится автором в список тех исторических лиц, которые препятствовали естественному развитию жизни, именно потому в их деятельности он видит предвестие большевизма. В очерке «Третий Рим и Третий Интернационал» Аввакум указан в перечне удалых бунтовщиков. В первых публицистических работах выражена озлобленность на советскую власть, подчеркнута антибольшевистская позиция, эмоции определили выбор художественных средств. Отрицательные черты Аввакума собраны М. А. Алдановым для того, чтобы выразить еще большее неприятие гиперболического преемника «огнепального протопопа» – В. И. Ленина. Аввакума, бунтовщиков, Ленина, по мнению писателя, объединяет разрушительная страсть, различия их небольшие: Аввакум полон заблуждений, он незлобивый, гонимый мученик, а Ленин – живет ненавистью и является источником социального и политического зла.

Более глубоким окажется образ Аввакума в сознании М. В. Ломоносова, персонажа повести «Пуншевая водка». Ломоносовские рассуждения о раскольнике помогают ученому обрести цельность, осознать смысл жизни. Никем не признанное счастье победы Аввакума, непостижимое торжество его любви к Богу, обретенное в смертельном пламени, сопоставляется с тайным представлением о счастье умирающего М. В. Ломоносова, который размышляет «о самосожжении во имя счастья других». Образ М. В. Ломоносова обретает метафизическую глубину благодаря подразумеваемому диалогу с Аввакумом. Формирование образа Аввакума-«собеседника» продолжено М. А. Алдановым в книге «Ульмская ночь». В «Диалоге о русских идеях» стиль Аввакума сопоставляется со стилем старца Нила Сорского и опального князя-эмигранта Курбского. «Аввакумовщина» – это признак неуступчивости, оковы жизни, который наряду с «достоевщиной», «окуровщиной» не принимается свободолюбивым сознанием М. А. Алданова. Аввакумовская рецепция продолжена в «Повести о смерти».

Этот роман содержит всего несколько ассоциаций с «Житием», подчеркивая верность и преданность героини, ведущей себя подобно жене Аввакума.

Содержание аввакумовской рецепции у М. А. Алданова не столь объемно, как восприятие А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского или А. П. Чехова. Но в древнерусской литературе он отыскивал то, чего не находил даже в творчестве Л. Н. Толстого, ведь «думы о смерти каким-то образом сочетались в нем с отсутствием способности к вере, как внутреннему озарению, сопереживанию и диалогу с Творцом» (М. Уральский). Использование «заряда духовности» древнерусской литературы было нужно Алданову для культурной и духовной самоидентификации – для ощущения себя частью русской культуры.

То, что у М.А. Алданова основой для восприятия русской классической литературы стали и авторы-просветители, доказывает содержание последующих параграфов второй главы. Третий параграф *«Образ М. В. Ломоносова в повести “Пушиевая водка”»*, вбирая представления русских эмигрантов о личности ученого и ценителя книг мудрости, отражает алдановское понимание Ломоносова-мыслителя. Дополняя исследования современных ученых (Т. Д. Долгих, Н. Н. Горбачевой, Н. А. Николиной, Ю. А. Орловой) собственными наблюдениями, В.В. Шадурский остается носителем своего понимания Ломоносова. Автор диссертации, наверное, глубже увидел этот образ сквозь призму алдановского мироотношения и как эмигранта, и как ученого, каковым сам был. Прделанный анализ убеждает, что служение науке и просвещению у Ломоносова подобно самосожжению Аввакума, ломоносовское представление о счастье определяет «трепет постижения истины» (с.114). Избегая мифологизации Ломоносова, писатель раскрывает его понимание смысла жизни и счастья, обостренно воспринимаемых в среде эмиграции.

Как известно, актуальным для русской интеллигенции за рубежом было обсуждение политической истории России. Творчество М.А. Алданова (главным образом его книга философских диалогов «Ульмская ночь») явилось интеллектуальной реакцией на эту полемику, чему посвящен четвертый параграф *«Рецепция Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, Н. И. Новикова в переписке и прозе М. А. Алданова»*. Передовые писатели-интеллектуалы, близкие автору своими ценностями,

внутренней независимостью, хотя и не предстают в облике персонажей, но вписаны прозаиком в историю идей. Использование исторических анекдотов, связанных с русскими писателями, в очерках и исторических романах демонстрирует не только эрудицию автора, но и выражают его ироничное отношение к государственным деятелям.

Вторую главу завершает параграф «*Г. Р. Державин в творчестве М. А. Алданова*». Используя, как и в случаях с другими писателями XVIII в., историко-литературный контекст русского зарубежья (это составляет принцип всего рецензируемого научного труда), автор диссертации акцентирует внимание на том, что поэзия Державина являлась одним из средств идентификации «русскости» в эмигрантской среде. В тетралогии «Мыслитель» министр юстиции и стихотворец изображается как эпизодический персонаж в фокусе проницательного повествователя и других действующих лиц, относящихся к нему без должного пиетета. Мировоззренческие взгляды Державина раскрываются при анализе очерковой прозы Алданова, его переписки с Буниным. Особенная проникновенность рецепции творчества Державина выявлена в рецензии Алданова на книгу В.Ф. Ходасевича о поэте (с.133-134). Вместе с тем, несмотря на осмысление значительного объема материала, посвященного Державину, который изображается Алдановым как поэт и государственный деятель, вывод исследователя представляется недостаточно взвешенным и точным: «...само отсутствие литературной составляющей образа Державина дало возможность Алданову избежать рефлексии по поводу мифологизации поэта как предтечи Пушкина и как представителя классицизма, который нарушал каноны его поэтики. В результате алдановский Державин получился несколько куцым, но все же живым – прежде всего как человек, как личность» (с.138).

В целом писатели XVIII в. через призму восприятия М. А. Алданова, как полагает В.В. Шадурский, превратились в свидетелей эпохи. Читатель с помощью знаний, наблюдений и остроумных исторических параллелей автора получил возможность увидеть историю живой, почувствовать ее эмоции. Вместе с тем нелогичные поступки, нелепые ситуации, неразумные мотивы поведения героев в изображении М. А. Алданова показывают иронический подход автора. Диссертант высказывает суждение, что он определен не желанием их изобличить и унижить, а пониманием искренности и тщетности их усилий по разумному усовершенствованию мира. Скепсис писателя в отношении адекватного

восприятия современниками масштаба их деятельности диссертанту очевиден (с.138-139).

Поставив в своей диссертации задачу всеохватности, В.В. Шадурский обстоятельно изучил специфику восприятия и понимания Алдановым ключевых фигур русской классической литературы XIX в., их отражение в творческом сознании писателя.

Третья глава «Литература первой половины XIX века в восприятии М.А. Алданова» обращена к творчеству А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя.

В первом параграфе *«А.С. Грибоедов в творчестве М.А. Алданова»* диссертант пытается понять, почему Алданов, будучи внимательным исследователем русской классики, не написал о Грибоедове отдельной работы. Чацкий в рецепции Алданова предстает сквозь призму своего прототипа, П.Я. Чаадаева – и в первой публицистической работе «Армагеддон», и в романе «Пещера»: с этим героем, справедливо пишет автор, связано «алдановское исследование открытий и тупиков человеческого разума, но по сути – бесприютности благородного ума» (с.147). Убедительно и с интересом в работе прослежено то, как образ Молчалина превращается в настоящий мотив алдановского романа «Бегство». Вообще в работе тщательно и кропотливо собраны и прокомментированы упоминания героев и многочисленные цитаты из комедии «Горе от ума». Понимая современность грибоедовских мотивов, В.В. Шадурский отсылает к ним в романах «Начало конца», «Истоки», «Живи как хочешь». Грибоедовские персонажи, их реплики в ткани произведений Алданова «живут» в прямом или ироническом восприятии, становятся мотивом или характеристикой людей современности, что исследовано В.В. Шадурским вдумчиво, с большой глубиной. Тем самым проясняется замысел Алданова показать мрачность судьбы тех героев двадцатого века, которым свойственно «горе от ума, точнее, от разума, не совмещающегося с религиозным чувством» (с.153), показать катастрофичность современной цивилизации, в которой ум заменяет духовность.

Этот вывод органично ведет автора диссертации к следующему параграфу *«Рецепция А. С. Пушкина в художественной прозе и литературной критике М.А. Алданова»*, доказывающему, что, отрицая номинально религию, М. Алданов никогда не отрицал «чистоту нравственного чувства» и в этом был близок Пушкину. Личность Пушкина

привлекательна для Алданова тем, что он был «одним из наиболее жизнерадостных людей, когда-либо посетивших землю» (с.157).

Подробно в диссертации освещается деятельность Алданова в торжествах, посвященных Пушкину, в 1924 и 1937 годах, в делах, связанных с жизнью культуры в эмиграции под знаком Пушкина, что, благодаря диссертанту, вводится в научный оборот. Тщательно В.В. Шадурским собраны и проанализированы пушкинские аллюзии и образы в статьях, заметках Алданова, выявлена литературная игра с использованием пушкинских цитат в переписке с В.В. Набоковым. Особое внимание уделено дуэли с Дантесом (с.162-163, 167-169). Раскрыто стремление писателя донести до современников пушкинское наследие (как и наследие русской культуры в целом) без искажений. Своими материалами, в том числе – сводом публицистических работ и очерков Алданова 1925-1937 гг., раскрывающих отношение к первому поэту и его наследию, В.В. Шадурский подтверждает, что притяжение Алданова к Пушкину было и устойчиво, и разнообразно. Серьезный анализ критических и публицистических работ Алданова, понимание его писательской и личностной сути придает большое значение исследованию В.В. Шадурского. Вместе с тем объективность ученого реализуется в выявлении созидательного, конструктивного характера критики М.А. Алдановым пушкинских произведений, что сказалось на уровне культуры и художественном таланте писателя, на мировосприятии алдановских героев (с.177-184). Главный (и верный) вывод диссертанта: «Полноценного образа поэта, какой-то концепции видения Пушкина Алданов не создает. Не проявлена и методология Алданова-критика. <...> И все же Пушкин изображается иначе по сравнению с тем, каким его видят другие современники Алданова. Иначе – значит без мифологизации» (с.170-171). Живым является и восприятие личности М.А. Алданова, что придает всему исследованию В.В. Шадурского большую достоверность и научную значимость.

Вопрос:

Почему проза Пушкина, поэмы «Полтава» и «Медный всадник» не получают достойного понимания у Алданова? Только ли потому, что Алданов судит из своего критерия «правдоподобие?» Но ведь есть художественный текст «Капитанская дочка» с вымыслом и научное сочинение «История пугачевского бунта».

«Личность и творчество М. Ю. Лермонтова в алдановском восприятии» – особая тема. Диссертант сразу выявляет нерв в алдановском отношении к Лермонтову: «Рационалисту Алданову трудно согласиться не с романтикой Лермонтова, а с романтическим типом поведения взрослых современников. В образах персонажей, весьма экзальтированных, воспитанных романтическими стихами, Алданов прибегает не столько к иронии, сколько к сатире» (с.189). И еще важное замечание автора работы: «Противоречивость рецепции Лермонтова в творчестве Алданова имеет определенную историю и вписывается в культурный контекст»(с.193). Думается, что в рецепции творчества Лермонтова (поэта, переводчика) проявилась тяга высокого и чистого сердца Алданова к вере, которую он не почувствовал в творчестве и личности Пушкина. Почему так произошло? Может быть, Алданов не прочел и не увидел позднюю лирику поэта (Каменноостровский цикл, в первую очередь)? Ведь внимание Алданова остановилось только на «Памятнике» и его вариантах.

Этот вопрос не может не возникнуть при знакомстве с 3 главой диссертации. Тем более что параграф, посвященный Лермонтову, удивительно полноценен по изученности алдановского материала: в художественных текстах (в «Повести о смерти», романах «Бред», «Самоубийство»), во внимательном прочтении статей или отзывов В. Ходасевича, Д. Мережковского, И. Бунина, книги Ю. Айхенвальда «Силуэты русских писателей». Алданов занимает собственную нишу и позицию, по верному наблюдению В.В. Шадурского. Через призму восприятия Г. Адамовича он делает вывод: «Скажем прямо: из всех поэтов, писавших о душе, Алданов всерьез мог читать только Лермонтова. Как не хватало ему веры в чудо, какая у него тоска и невозможность обрести веру! Не таково ли и сегодня состояние многих разумных и совестливых людей?» (с.195). Диссертант справедливо пишет о тоске Алданова по вере, сочувствуя писателю в том, что ему «жизнь не приносит подлинной радости» (с.196). Исследователь глубоко нащупал тот мировоззренческий парадокс в Алданове, который писатель не смог преодолеть, но который определил его особое восприятие личности и творчества Лермонтова (рецензия на книгу А.В. Нехлюдова «Старые портреты», версия Лермонтова как героя «Повести о смерти»). Автор диссертации обращает внимание на профессиональный подход Алданова к переводческому

шедевру Лермонтова из Гете, открывая для современного читателя оригинальный алдановский взгляд, совсем не привычный для нас.

В диссертации В.В. Шадурского много открытий для современного российского литературоведения в таких понятиях, как тип «лишнего человека» или лермонтовский демонизм: подход к литературным явлениям анализируется сквозь призму восприятия рационалиста и скептика Алданова. В скрупулезном анализе трилогии «Ключ» – «Бегство» – «Пещера», романах «Бред» и «Живи как хочешь» В.В. Шадурский находит глубокие объяснения писательской рецепции, открывающей мир самого писателя и дающей глубокое представление о его героях. Алдановское понятие «печоринство», появившееся в очерке «Печоринский роман Толстого» (1937), – тоже открытие В.В. Шадурского, относящееся к самому писателю, к его умению или неумению влюбляться и любить.

Алданов, по верному замечанию автора диссертации, «отвечающий и на вопросы истории, и на вопросы жизни поколения, дерзающий спорить с классиками литературы и представляющими силу политиками» (с.194), к личности и творчеству Лермонтова относится «с тревожным интересом» (с.195): ему были «открыты тайны гораздо страшнее тех, что открывались Пушкину» (с. 196).

Вопрос: Чем объяснить преобладающий в среде эмиграции бóльший интерес к личности и творчеству Лермонтова в сравнении с Пушкиным, но при этом празднования годовщин рождения и смерти, в первую очередь, Пушкина?

Параграф четвертый *«М.А. Алданов как интерпретатор Н.В. Гоголя»* раскрывает восприятие Гоголя, заведомо сложное в связи с глубокой религиозностью классика. Позитивное отношение Алданова к Гоголю выражено в сохранившейся переписке писателя с Амфитеатовым, Набоковым, Буниным и др., что отмечено диссертантом. Гораздо интереснее автору исследования проследить «гоголевское» в текстах Алданова. Поэтика Гоголя анализируется в текстах романов тетралогии «Мыслитель», осмысливается сходство сцен с повестью «Шинель», правда, трудно согласиться с утверждением автора диссертации, соотносящего бунт алдановского героя – бунт «неосознаваемый, по необходимости, как реакция зверя: “Попал в жерло ада...”» (с.199) с предсмертным бунтом Башмачкина – он у Гоголя другой, тем более что в результате смерти героя «одно значительное лицо»

начинает «слышать упреки совести», а несчастье Акакия Акакиевича сравнивается с тем несчастьем, которое обрушивается «на царей и повелителей мира».

В романе «Истоки» и очерках прослежены рецепции текста «Тарас Бульба», однако, по верному наблюдению В.В. Шадурского, писателю не близки гоголевская романтика, вера и вольное отношение к истории, не принимает он и «романтической восторженности гоголевского стиля в сочетании с натуралистичностью некоторых сцен» (с.201). Неоднозначным показано в диссертации прочтение Алдановым поэмы «Мертвые души» и способы «освоения» произведения – от риторических приемов до характеристики персонажей – на примере глубокого и интересного анализа романов «Начало конца», «Истоки», «Бред» и «Самоубийство». Автор увлечен темой исследования, поэтому так легко он переходит от анализа романов к анализу переписки с Тэффи, которая также касается аллюзий на Гоголя, или к фрагментам «Из записной тетради».

Причина такой густоты присутствия Гоголя в творчестве Алданова, по мнению В.В. Шадурского, «состоит в том, что Алданов разделяет художника Гоголя, волшебника, которого очень любит, и человека, Гоголя-учителя, которого не понимает и не принимает...<...> Алдановым правит ощущение гоголевской дисгармонии: зажигающего чувства полноты, красоты жизни и охлаждающего чувства веры» (с.209). Это заключение автора диссертации вырастает из мировоззренческой позиции Алданова, для которого Гоголь не мог быть понят как религиозный мыслитель. В.В. Шадурский, таким образом, старается разделить творческую и мировоззренческую позицию Алданова в отношении к Гоголю – художнику и мыслителю. Она, как показано в диссертации, поддерживается и в литературном диалоге Алданова с Набоковым, который не отвечает ему, не принимая алдановской прямолинейности. Коротко подводя итоги своего анализа, В.В. Шадурский замечает: «дальше аллюзий и событийных ассоциаций» (с. 213) в восприятии Гоголя дело у Алданова не пошло. Но в романе «Начало конца» можно увидеть, что под воздействием «Мертвых душ» у революционера Вислиценуса просыпается совесть, и он понимает напрасность революционных переворотов. В словах персонажа много авторской основы – самого Алданова, по замечанию диссертанта. А в романе «Истоки» неудавшийся писатель Мамонтов начинает испытывать чувство стыда, понимать величие

писателей и свою творческую несостоятельность, что говорит о духовном перевороте, поражающем героя Алданова. Значит, религиозный писатель Гоголь внутренне принят не только писателем Алдановым, но в определенной степени принят человеком, и потому вывод автора диссертации не совсем точен.

Четвертая глава «Литература второй половины XIX века: комментарии и интерпретации М.А. Алданова» раскрывает понимание писателей, ставших для Алданова нравственными и эстетическими ориентирами. Представленный в главе разнородный материал позволил автору еще полнее представить жизненную концепцию М.А. Алданова и его художественное кредо.

Параграф первый *«Слово и дело А.И. Герцена в восприятии М.А. Алданова»* показывает увлеченность личностью писателя, по степени свободы соотносимого в сознании Алданова с Львом Толстым и сохранившего в эмиграции «внутреннее моральное значение» (с.227). В.В. Шадурский доказывает, что «политически наполненный» (с.217) Алданов, «мастер исторической публицистики» (с.219), неоднократно апеллировал к Герцену в аргументации своей либеральной позиции в очерках и книгах «Армагеддон», «Огонь и дым», «Ключ», «Бегство», в рецензии на переизданную в 1921 году книгу Герцена «Былое и думы». Внутреннюю близость разделенных временем писателей автор исследования обнаруживает и в рассуждениях на литературные темы. Но самым подробным образом диссертант комментирует случаи внесценического присутствия или упоминания Герцена в романах «Истоки», «Бред», «Самоубийство», в книге «Ульмская ночь. Философия случая». Думается, что герценовские идеи и образы являются фоном не только для рефлексии персонажей (как утверждает на с.231), но и самого автора. Вывод, что герценовское слово «то являет собой аргумент, то средство осмысления и критики, то средство рефлексии главного персонажа» (с.236), закономерно вытекает из анализа материала.

Во втором параграфе главы *«И.С. Тургенев и “литературный шоколад”»* убедительно показана неоднозначность рецепции Тургенева в критике, публицистике, художественной прозе М. Алданова. Автор диссертации прослеживает у него отражение тургеневских идей и мотивов, обнаруживает сходство персонажей в романах двух писателей. Вместе с тем, он выявляет критичное отношение Алданова к любимому писателю, хотя и близкого ему западнической позицией. Так, объясняя алдановскую

иронию по поводу тургеневского наследия – «шоколадная фабрика» (с. 238), «слабость к литературному шоколаду» (с.242), автор диссертации связывает ее со способностью классика «видоизменять» реальность, с искусственностью его литературных приемов. Отмеченные Алдановым стилевые изъяны Тургенева свидетельствуют о пронизательности литературного критика, хотя, как объективно считает В.В. Шадурский, его метод анализа не всегда релевантен (с.243). В то же время исследователь видит в алдановской рецепции равнодушное постижение тургеневского творчества, не забывая отметить ценимые Алдановым «провидческую силу» писателя (с.239), его ум и талант.

Автор диссертации делает справедливое заключение, что Алданов идентифицировал себя с писателями-изгнанниками, мыслящими либерально, но остающимися патриотами своей родины.

И все же самое пристальное и последовательное внимание Алданова было обращено к Толстому и Достоевскому как разным «полюсам» русской литературы, что раскрывается в объемном и содержательном параграфе 4.3. *«Стилистическая эклектика: Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой»*, включающем в себя три раздела. Прделанный автором тщательный анализ проясняет мировоззрение М. А. Алданова и его эстетические предпочтения: в обращении писателя и литературного критика одновременно к двум вершинам русской классики В.В. Шадурский видит «не простые метания неопределившегося с традицией преемника, а важный, сущностный процесс...» (с.258).

В первом разделе *«Интерпретация “слова” Ф.М. Достоевского»*, критически оценивая проделанное предшественниками в изучении вопроса (В.А. Туниманов, М.Л. Уральский, Ж.Тассис и др.), В.В. Шадурский по-своему объясняет настойчивое обращение Алданова к изображению двойников Раскольников: по убеждению диссертанта, прозаиком движет не литературная игра с Достоевским, а понимание «тупиковости развития европейской цивилизации, которая выращивает убийц» (с.272). Свободно оперируя контекстом всего литературного наследия Алданова, его идеями, выстроенными по ассоциации с идеями Достоевского, диссертант утверждает, что для прозаика «творчество Достоевского как полигон для своих пространственных высказываний» и что благодаря Достоевскому «постижение революции как явления находится не только в политических, но и психологических, моральных координатах» (с.262). Анализ сюжетных линий и характеров в очерках

Алданова «Убийство Урицкого», «Азеф», в трилогии «Ключ»-«Бегство» - «Пещера» и особенно в романе «Начало конца» (по мысли автора, «гипертекстах» на основании «Преступления и наказания»), проделан аргументированно и талантливо. В.В. Шадурский, не используя бахтинское определение «полифонический роман», тем не менее убедительно раскрывает многоголосие романов Алданова: борьбу автора «с идеологической одержимостью людей “типа героев Достоевского”» и в то же время изображение персонажей, являющихся «противниками как нравственных постулатов Достоевского, так и религиозных ценностей» (с.276). Существенным, на наш взгляд, является акцент исследователя на стремлении Алданова развенчать поверхностное восприятие идей Достоевского у западных читателей и их иллюзию, что душу русского человека можно понять через героев Достоевского. Завершая раздел сопоставлением нравственных постулатов Достоевского и Алданова, показывая их сущностное отличие, В.В. Шадурский делает справедливый вывод, что в отношении к Достоевскому видна тенденциозность Алданова и что его творчество содержит уточнения и дополнения аксиоматики предшественника.

Второй раздел параграфа *«Использование приемов Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого»* объясняет, для чего М. А. Алданов объединял разные приемы поэтики, ритмы прозы и несходные способы изображения, и осмысляет тот эффект, к которому приводило совмещение традиций Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Диссертант исследует отношение Алданова не к самим идеям классиков XIX в, а к идеям их персонажей, причем интерпретация героев Достоевского и Толстого осуществляется, как убежден В.В. Шадурский, не Алдановым, не его повествователем, а имеющими самостоятельную точку зрения персонажами. На примере анализа романа «Начало конца» делается справедливый вывод: «алдановские персонажи совершают “перезагрузку” семантики персонажей Достоевского. Вместе с тем неприятие идей, образов и использование некоторых приемов Достоевского – это проявление сложного алдановского отношения» (с.286). В работе показано, что рецепция произведений Толстого была более глубокой и разносторонней.

Новаторски и талантливо выявлена в диссертации контаминация в романах М.А. Алданова («Начало конца», «Живи как хочешь», «Самоубийство», «Истоки») приемов создания психологизма великими

классиками: использование сюжетных ходов, группировка системы персонажей, композиционные повторы восходят к романам Достоевского, средства индивидуализации персонажей (сравнение, метафора, метонимия или меткая деталь), изображение личной истории персонажа являются приемами Толстого. Свежей и оригинальной является мысль об обновлении Алдановым традиций Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского с помощью «кинематографизации» романа. Диссертант пишет: «Драматическое начало эпического текста, диалоговая стихия, обилие сцен с диалогами-резонерами, многообразие точек зрения, необыкновенные в психологическом смысле герои, вставки сценария и пьесы в композицию романа – все эти черты напоминают о традиции Достоевского в выстраивании текста современного романа. Вместе с тем склонность к историческому видению событий, панорамность мышления, использование образов обычных людей, интерес к настоящему времени и политическим событиям, концептуальность и постоянная оглядка на приемы Толстого, на высказывания его героев, близкий подход к детали – все это наводит на мысль о зависимости Алданова от повествовательной техники Толстого» (с.294). Прделанный диссертантом скрупулезный анализ позволяет ему сделать вывод, что следование традициям эпического романа Л.Н. Толстого и драматического романа Ф.М. Достоевского приводит М.А. Алданова к созданию занимательного психологического романа, романа культуры, позволившего автору выйти на новый художественный уровень и привлечь к своему творчеству массового читателя эмиграции.

Последний раздел параграфа *«Л.Н. Толстой в статьях и письмах М.А. Алданова периода эмиграции»* посвящен размышлениям писателя в публицистике и эпистолярном наследии, причем содержание многих статей впервые вводится диссертантом в научный оборот. В них главным образом раскрывается восприятие Л.Н. Толстого в разные годы и в разных культурных и языковых средах. На основе тщательного анализа автор заключает, что Толстой видится Алданову носителем парадоксов (с.304, 310, 329), основным критерием в оценке предшественника является «степень жизненной правды» (с.335), критик разводит художественное творчество и философские идеи Толстого, апеллирует к произведениям писателя, в которых «искусство достигло предела» (с.308). Научная объективность диссертанта проявляется в критическом оценивании взглядов Алданова, не избежавших некоторой тенденциозности

(например, выхолащивание социального содержания из творчества писателя). Убедительно и точно говорится об отношении прозаика к Толстому, «как у верующего: он его принимает целиком, со всеми “плюсами” и “минусами”, и, как герменевт, обосновывает несколько уровней прочтения стиля Толстого: от очевидного, разламывающего норму языка, до скрытого, почти эзотерического» (с.316). Такой подход объясняет участие «творческого ученика Толстого» (с.326) в канонизации классика, однако В.В. Шадурский не замалчивает и диалог с учителем в художественном творчестве и литературной критике Алданова. Достоинством этой части исследования является внимание автора к постепенному усложнению у Алданова образа Толстого как противоречивой личности, выявлению причин парадоксальности – как в его душевных метаниях, так и в стилистических решениях. Диалогичность алдановской прозы возводится в диссертации к толстовской традиции.

Параграф четвертый *«А.П. Чехов в художественном мире М.А. Алданова»* рассматривает специфику обращения к А. П. Чехову и его произведениям в прозе писателя и демонстрирует использование чеховских приемов в драматургическом опыте Алданова. Нельзя не подчеркнуть особую актуальность изучения проблемы, к решению которой литературоведение до сих пор не приступало. Как и в предыдущих частях работы, автор диссертации характеризует историко-литературный фон алдановской рецепции в форме публикаций о Чехове и театральных постановок в русском зарубежье. Отмечаются маркированные отсылки к личности и творчеству Чехова, конфликтам и сюжетным линиям его произведений в публицистике, книге философских диалогов «Ульмская ночь. Философия случая», в романах «Самоубийство», «Бред», чеховские мотивы выявлены в романе «Пещера», рассказах «Павлинье перо», «Истребитель» и мн.др. Диссертант убедительно показывает, что отсылки к чеховским произведениям приводятся как аргументы и способ подкрепления алдановских суждений, обосновывает мировоззренческую близость М.А. Алданова и А.П. Чехова (внимание к моральным проблемам, скептицизм, неприятие идеологических догм, жизнелюбие, представление о счастье и пр.).

Особый научный интерес представляет анализ пьесы «Линия Брунгильды» и двух вставных драматических частей в романе «Живи как хочешь», в которых Алданов применил приемы чеховской поэтики

(двуплановость, паратекст с символическими деталями). Следствием использования чеховских драматических приемов стало повествование, совмещающее в себе романтику и иронию, избавляя произведения от излишней серьезности, но сохраняя занимательность и глубину. Делается обоснованный вывод, что А.П. Чехов стал «актуальным преобразователем идей и художественных принципов русской классики», «одним из тех авторов, которые существенно обогатили культуру произведений Алданова и вывели их из беллетристики в ранг высокой литературы» (с.383).

В **Заключении** содержатся выводы из всех разделов соответствующих глав диссертации, сформулированы основные научные итоги исследования и обозначены перспективы разработки проблемы. В частности, предлагается выполнение задачи по сопоставлению уже выявленных результатов рецепции русской классики в СССР и в русском зарубежье в 1920–1950-е гг.

Цель и задачи, поставленные В.В. Шадурским по введению, реализованы, степень разработанности темы подробно охарактеризована, композиция работы логична. Положения, выносимые на защиту, не вызывают возражений.

Требуемое количество статей по теме исследования было опубликовано в рецензируемых изданиях, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК. Автореферат и публикации в полной мере отражают содержание диссертации.

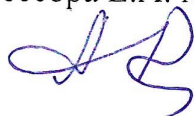
Исходя из этого можно заключить, что диссертация «Рецепция русской литературы XV–XIX веков в творчестве М.А. Алданова» является оригинальным, законченным исследованием и удовлетворяет всем требованиям, изложенным в пунктах 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 в действующей редакции, предъявляемых к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, является самостоятельной работой высокого уровня. В диссертации на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать в качестве нового решения научной проблемы по рецепции русской литературы в творчестве писателя русского зарубежья, имеющей заметное значение для литературоведения. Таким образом

Владимир Вячеславович Шадурский, автор диссертационного исследования, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Отзыв составлен Аидой Геннадьевной Разумовской, доктором филологических наук, профессором кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного ПсковГУ при участии Нины Викторовны Цветковой, кандидата филологических наук, доцента кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного ПсковГУ и Валентины Ильиничны Охотниковой, доктора филологических наук, профессора кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного ПсковГУ .

Отзыв одобрен на заседании кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного ПсковГУ. Протокол № 1 от 18 сентября 2025 года

Доктор филологических наук,
профессор кафедры филологии, коммуникаций и РКИ,
руководитель Научно-просветительского центра
русского языка и культуры имени профессора Е.А. Маймина
ПсковГУ

 — А.Г. Разумовская

Заведующая кафедрой филологии, коммуникаций и РКИ
ПсковГУ
кандидат филологических наук, доцент

 С.В. Лукьянова

Сведения об организации:

Почтовый адрес организации: 180000, Псковская область, г. Псков, пл.
Ленина, дом 2

Телефон организации: +7 (8112) 201-699

E-mail организации: rector@pskgu.ru